

Истинный прогресс заключается
в завоевании хлеба и просвещения для всех.

№ 40

ЦЕНА 0.40

С Е Я Т Е Л Ь

EL "SEMBRADOR"
ORGANO — AUTOEDUCACION.

ИЗДАТЕЛЬ Н. ЧОЛОВСКИЙ.

Administración:
Sr. N. Cholovsky
Calle TERRADA 2984
Buenos Aires

Febrero

Buenos Aires

194

„ЧЕКА“

С.С.С.Р.

Тук-тук... Тревожна ночь... Тук-тук...
 Стучатся в дверь... Зловещий стук!
 Все души взяты на учет,
 Смерть мечет кости... — нечет... чет...
 Пришел черед — не верь ключу —
 Встречай судьбу, зажги свечу!
 Как страшен жуткий мрак окна!..
 И это зарево в крови!..
 Но, за сининой глуха стена, —
 Напрасно помощь не зови.
 Вопли. Блеснули их штыки.—
 Уже нельзя пожать руки...
 И, лишь успев в глаза взглянуть,
 Ушел и ты в безвестный путь...
 С безумьем смерть над всем царят.
 И, в роковой затянут круг,
 Не доверяет брату брат,
 И предает любимый друг.
 Кругом все улицы пусты,
 И ходит страх из дома в дом.
 А на кладбище, чередом,
 Встают безмолвные кресты.

Парагвай.

А р т у а.

«Бросим, коль сможем, на ниву народную горсточку малую доброго семени».

UNA DECLARACION DE DERECHOS HUMANOS MAS

Durante la Gran Revolución Francesa fué elaborada y proclamada la "Declaración de Derechos del Hombre y del Ciudadano". Desde aquellos tiempos y hasta nuestros días hay mucho escrito sobre los derechos del hombre, mucho hablado, muchas palabras... Claro, que cada uno expone esos derechos a su modo. Si miramos bien, vemos que todos los políticos, todos los partidos "se preocupan" sin cesar por la suerte del hombre, por su futuro. Y el hombre mismo? ¿Piensa él de su futuro? ¿Ve él, por ejemplo, cómo habían vivido antes y como viven ahora los pueblos de Rusia?

Después de dos años de conferencias y discusiones en las sesiones de la U. N., al final del año pasado fué proclamada otra Declaración de Derechos Humanos. Esa novísima declaración se compone de 29 puntos, contiene los más bellos deseos, las más bellas palabras...

Por esos derechos humanos votaron, después de largas y encarnizadas discusiones, los representantes de todas las naciones, hasta los soviéticos... La prensa mundial, a su vez, comentó ampliamente los "nuevos derechos humanos", pero la prensa soviética no dijo ni una palabra o casi ninguna palabra de esos derechos. Y también es incómodo allí hablar de los derechos, en general, y de los derechos humanos, en particular. Puesto que en la Unión Soviética, ni la persona, ni los pueblos gozan de derecho alguno. Allí se hallan en cárceles y concentraciones hasta 20 millones de reclusos políticos y de otras clases, cuyos derechos fueron igualados a los "derechos de un perro rabioso". ¿Cómo es posible en tal situación hablar de derechos humanos o de libertad e igualdad?

Una cosa nos extraña: ¿Por qué no se encontró un representante sólo siquiera para levantar su voz en defensa de los mencionados 20 millones de víctimas del comunismo, acomodados en las cárceles y concentraciones de la interminable

tierra rusa? ¿Por qué ningún representante osó hablar de la libertad, de los derechos humanos bajo el régimen totalitario del comunismo, donde la persona sólo tiene un derecho: el de morir de hambre, donde millones ya habían muerto, mueren y morirán, hasta que el fascismo rojo desaparezca.

Las noticias de la muerte en masas en la URSS están confirmadas por todos que habían tenido la suerte milagrosa de salvarse de allí. (Hemos publicado en el número 37 una carta del Dr. Margolin y otros testimonios). Además, en los últimos años han aparecido numerosos libros serios, escritos por ex víctimas del fascismo rojo. Algunos de ellos (en especial, "La Justicia Soviética", aparecida en Roma) contienen numerosos documentos y hasta un mapa bastante exacto de los campos de concentración en la URSS que abajo publicamos (4). Algunos de los que personalmente conocen aquellos campos, afirman que en el mapa no figuran muchos campos y lugares de deportación. Esto es natural, el partido comunista no duerme y extermina la gente, como se dice, con tiempo record, stajanovista...

Y a pesar de todos los documentos, de todos los testimonios, de los lamentos que algunas veces atraviesan las "cortinas de hierro", la humanidad universal mira por entre los dedos la tragedia de los pueblos de Rusia... y sesionando en una misma mesa con los verdugos de esos pueblos, hablan y escriben de ciertos derechos humanos... Y hay que recordar, al fin, que el comunismo le está preparando a toda la humanidad una tragedia similar...

Sólo con la caída del comunismo en Rusia, como cayó su semejante, el fascismo, se podrá hablar en verdad de Declaración de Derechos Humanos. Hasta entonces, sin desmayo y sin mezquinar los medios, habrá que luchar contra los maliciosos negadores de los derechos populares y humanos, contra el comunismo.

Redacción "El Sembrador".

Учітеся брати мої, думайте, читайте. І чужому научайтесь і свого не цурайтесь!

С Е Я Т Е Л Ь

О Р Г А Н
Культурно - просветительный.

Февраль 1949 г.

Буэнос Айрес

Респ. Аргентина.

Еще одна Декларация Прав Человека...

В время Великой Французской революции была выработана и провозглашена «Декларация Прав Человека и Гражданина». С тех пор и до наших дней о правах человека много написано, много сказано, много слов... При том, конечно, всякий по-своему излагает эти права. Если мы присмотримся, то увидим, что все политические деятели, все партии старательно «беспокоятся» о судьбе человека и о его будущем. Ну, а сам человек? Думает ли он о своем будущем? Видит ли он, например, как жили раньше и как живут теперь народы России?

После двух лет разговоров и обсуждений на заседаниях Объединенных Наций, в конце ушедшего года была провозглашена еще одна Декларация Прав Человека, эта новейшая декларация состоит из 29 пунктов, содержащих самые прекрасные пожелания, самые прекрасные слова...

За эти права человека, после долгих и упорных споров голосовали представители всех наций, даже советские... Мировая пресса, в свою очередь, широко комментировала «новые права человека», но советская пресса не сказала ни одного или почти ни одного слова об этих правах. Да там и невыгодно говорить о праве вообще и о правах человека в частности. Ведь в Советском Союзе ни человек, ни народы не пользуются совершенно никакими правами; там в тюрьмах и ссылках находится до 20,000,000 политических и других заключенных, чьи права приравнены «правам бешеной собаки». Как же можно при таком положении говорить о правах человека или о свободе и равенстве?

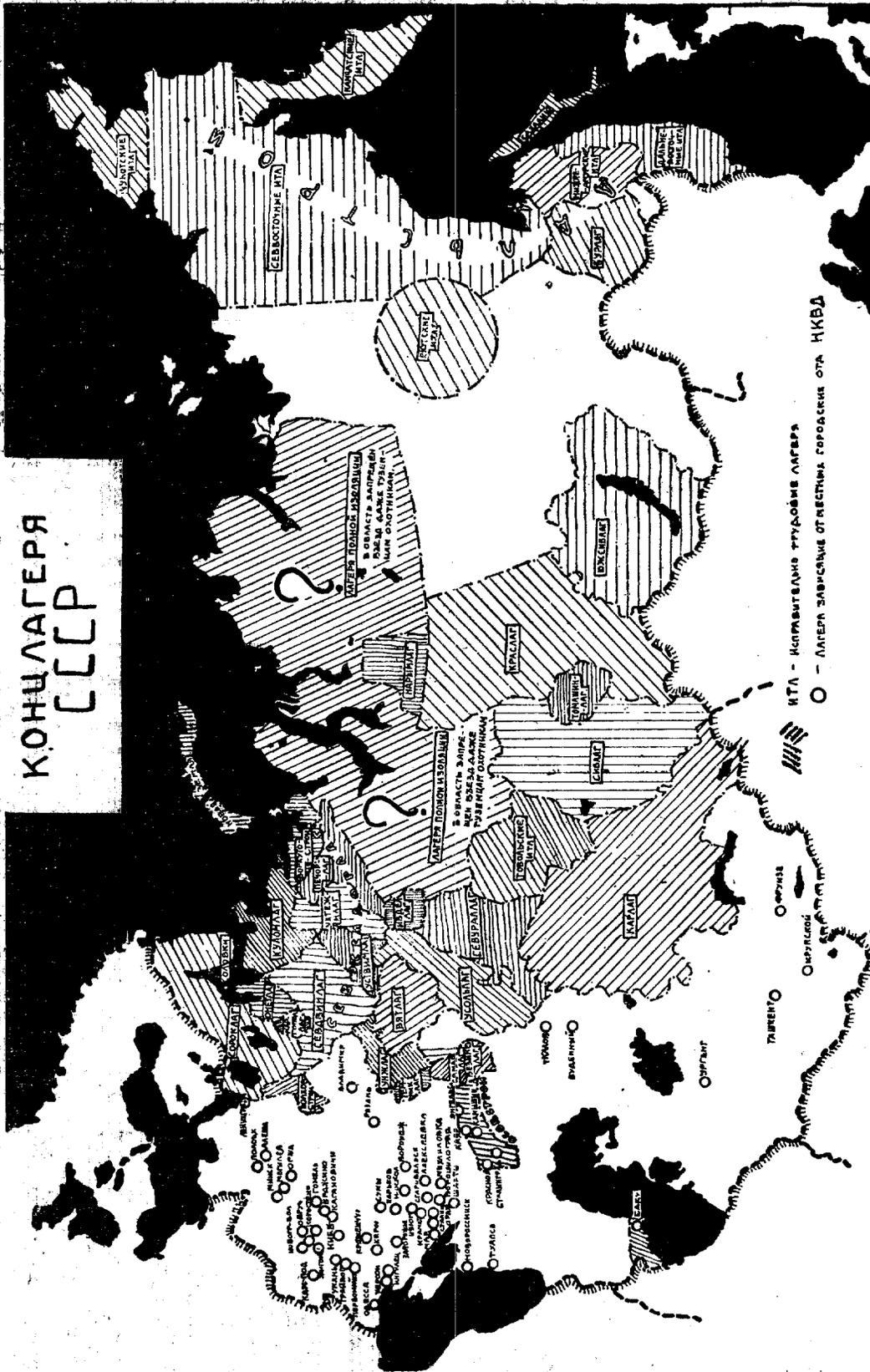
Одно нас удивляет: почему ни один представитель на заседании ООН не поднял ГОЛОСА в защиту упомянутых 20,000,000 жертв коммунизма, размещенных по ссылкам и лагерям необъятной русской земли? Почему ни один

представитель не осмелился говорить о свободе, о правах человека под тоталитарном режиме коммунизма, где человек имеет только одно право: умереть голодной смертью, где миллионы уже умерли, умирают и будут умирать, покуда красный фашизм не падет?

Сведения о массовых смертях в Советском Союзе подтверждают все, кому удалось чудом оттуда вырваться. (Мы печатали в 37-ом ном. письмо д-р Морголина и др. свидетельства). К тому же, в последние годы появилось много серьезных книг, написанных бывшими жертвами красного фашизма. Некоторые из них (в особен. «Советская юстиция» вышедшая в Риме) помещают много документов и даже довольно точную карту лагерей в СССР, которую мы ниже помещаем. (4) Некоторые лично побывавшие в лагерях, говорят, что на карте не фиксируются многие лагеря и места ссылки. Это естественно, компартия не дремлет и истребляет людей, так сказать, ударными, стахановскими темпами.

И несмотря на все документы, на все свидетельства, на нечеловеческие стоны, прорывающиеся через «железную занавес», мировое человечество смотрит с квозь пальцы на трагедию

(Окончание на стр. 5-й)

КОНЦЛАГЕРЯ
СССР

1, Ленинградский, 2 Полоцкий, 3. Алеца, 4. Минский, 5. Могилевский, 6. Орша, 7. Норгор-Волынский, 8. Овруч, 9. Коростень, 10.

Гомель. 11. Браживо. 12. Коганогичи. 13. Киевский. 14. Житомирский. 15. Каменец-Под. 16. Уманский. 17. Грайворонский. 18. Первомайский. 19. Одесский. 20. Херсонский. 21. Ингулецкий. 22. Кременчугский. 23. Криворожский. 24. Запорожский. 25. Сумский. 26. Харьковский. 27. Н. Оскольский. 28. Изюмский. 29. Краматорский. 30. Старобельский. 31. Воронежский. 32. Алексеевский. 33. Мариупольский. 34. Сталинский. 35. Ворошиловградск. 36. Шахты. 37. Новороссийский. 38. Туапсинский. 39. Бакинский. 40. Сталинградский. 41. Красноводский. 42. Красный Яр. 43. Камышинский. 44. Энгельский. 45. Самарский. 46. Безыменский. 47. Рязанский. 48. Владимирский. 49. Лагерь Волховстроя. 50. Сорочинск. 51. Соловецкий. 52. Онеглаг. 53. Каргопольлаг. 54. Севдвинлаг. 55. Куломлаг. 56. Устивимлаг. 57. Унж-лаг. 58. Темвик-лаг. 59. Вятлаг. 60. Устежмлаг. 61. Севжеддорлаг. 62. Печорлаг. 63. Воркутострой. 64. Ивделлаг. 65. Усоллаг. 66. Севералаг. 67. Чкаловский. 68. Буденовский. 69. Карлаг (Караганда). 70. Ургент. 71. Ташкент. 72. Круской. 73. Тоболские И.Т.Л. 74. Фрунзе. 75. Нарымлаг. 76. Краслаг. 77. Сиблаг. 78. Томашинлаг. 79. Юж. сиб. лаг. (Бур. АСР). 80. Якутские И.Т.Л. 81. Чукотские И.Т.Л. 82. Северовост. И.Т.Л. 83. Бурлаг. 84. Нижнесмурск. И.Т.Л. 85. Дальневост. И.Т.Л. 86. Сахалин. 87. Камчатские И.Т.Л. 88. Новая земля. 89. 90. Лагерь полной Изоляции в сев.-западной части Сибири. 91. Архангельский. 92. Кандалакша и др. 93. Мурманские лаг. 94. Выйгачские. 95. Потемлаг. 96. Ревдаллаг. 97. Волгострой (Рыбинск). 98. Петропавловский (Узбек). 99. Земля Франца Иосифа.

Польские писатели указали 99 лагерей; в них коммунистическая партия, по чьему-то заданию истребляет народы российскийские.

Свидетельство перед миром

В американской зоне оккупации в Германии образовалось «Общество жертв коммунизма». Оно обратилось с призывом активного содействия ко всем политическим эмигрантам, бывшим заключенным в советских тюрьмах, концлагерях и ссылках. Воззвание гласит:

„Помните о тех миллионах политических узников, которые томятся в бесчисленных советских концлагерях и тюрьмах. Мы обязаны возвысить свой голос в их защиту и бороться за их освобождение! Обращайтесь к совести мира! Отстаивайте элементарные права человека! Протестуйте чем не ограниченного производ...

(Окончание с 3-й страницы)

народов России... и, заседаая за одним столом с палачами этих народов, говорят и пишут о каких-то правах человека... А ведь надо иметь в виду, что коммунизм ПРИГОТАВЛИВАЕТ всему человечеству такую же трагедию...

Только с падением коммунизма в России, как пал его собрат—фашизм, можно будет говорить о действительной Декларации Прав Человека. До этого же, не покладая рук и не жалея средств, надо бороться с злостными попираетелями прав народных и человеческих—коммунистами.

Издательство „СЕЯТЕЛЯ“.

ла, безудержного террора и насилия. Требуйте освобождения политических узников коммунизма!

Пишите и говорите обо всем, что Вы лично перенесли и пережили в советском заточении! Организуйтесь и давайте свидетельские показания, собирайте сохранившиеся документы и фотографии, свидетельствующие о попрании человеческих прав и произволе над личностью.

Кричите на весь мир о том ужасе, который вы сами пережили и чему были свидетелями!

Общество выпустило уже прекрасно изд. журнал „За железной занавесой“. Нельзя не пожалеть, что это сделано несколько поздно — в первом выпуске надо было подобрать наиболее яркое из того обильного материала, который имеется. Излишняя спешность сказалась и в отделе, названном „календарем борьбы между народами и большевизмом“, где, напр., имеется досадные хронологические ошибки; совершенный анархистами взрыв в Леонтьевском пер., за который был в Москве расстрелян ряд видных общественных деятелей во главе с Н. Н. Щепкиным, отнесен к 18-му году (после покушения на Ленина), тогда как он произошел на год позже — 25 сентября 1919 г.

„Российский Демократ“

Поступил в продажу № 2 «Р. Д.», выходящего в Париже под ред. С. П. Мельгунова и ближайшем участии А. В. Карташева и И. М. Хераскова.

Журнал—цена экзempl. 1 песо,— можно приобрести в админст. „СЕЯТЕЛЯ“. В посл. момент, получен январский № «РД»

Д. ДАЛИН

Показательный процесс в Париже

МНОГИЕ люди знают о том, что говорить правду о большевизме нельзя... А говорящий ее, всегда должен оберегаться хулиганской руки. Фото наглядно доказывает это. Ред.

Виктор Кравченко, автор известной книги: „Я ВЫБРАЛ СВОБОДУ“, привлек к суду по обвинению в клевете французский журнал „Леттер Франсез“, и дело началось 24 января 1949 г. в Париже.

Из обширной послевоенной литературы о Советском Союзе книга Кравченко приобрела наибольшую известность и произвела наибольшее впечатление. Переведена на 15 языков, она получила наибольшее распространение в тех странах, где особенно сильно коммунистическое движение; ее общий тираж во всем мире достигает уже трех миллионов. (Есть слухи, что в скоро времени выйдет и на русском языке) Это редкий случай, чтобы книга воспоминаний сама сделалась крупным политическим событием. Впечатление, производимое ею в кругах, сочувствующих Москве, было такое большое, что после двух лет молчания в Москве решено поднять перчатку и согласиться, наконец, на публичное разбирательство, которого Кравченко, без сомнения, давно добивается.

Ибо обвиняемым в этом процессе будет, конечно, не ничтожный партийный журналист. Его редактор требует вызова множества свидетелей из России, имена и адреса которых он представил суду; но получить их он мог только из Министерства Государственной Безопасности.

Это оно, высшая полицейская власть в советской России, согласилось повести за границу нужное количество свидетелей и документов, чтоб выиграть дело. Советское правительство, его НКВД, его МГБ, его методы заущения и пытки, вся его система террора, его агенты, явные и тайные,—это они будут посажены на скамью

подсудимых. Это будет первый „московский процесс“ перед свободным европейским судом.

Ибо надо убить эту книгу и заглавить произведенное ее опустошительное действие.

Первая уловка состояла в том, чтобы, назвав большое число свидетелей в Америке, России и Франции, потребовать от истца, Кравченко, внесения очень большой суммы в качестве залога (этого требует закон, когда истцом является лицо, не живущее во Франции). Требуемая сумма исчислена была, действительно, в 1,700,000 франков! Расчет был простой: Кравченко окажется не в силах внести залог, откажется от процесса—и тогда клеветники будут торжествовать победу.

Этот расчет провалился; в переводе на доллары сумма эта оказалась не непосильной для автора широко читаемой книги. Приходится готовиться к следующему шагу—судебному разбирательству. По указанию советской полиции редактор коммунистического журнала приглашает свидетелей, чтобы раньше всего очернить характер автора книги, смешать его с грязью; метод,

многokrатно испытанный в советских процессах. Чтобы шокировать американцев и англичан, будут поданы «три жены» Кравченко (двух из них, он ответил, он никогда и не знал); чтобы доказать его личную нечестность привезены будут его сослуживцы, которые, надо полагать, «документально» докажут чудовищные растраты, им произведенные, все советские свидетели будут настаивать на низком уровне его умственных способностей (он принадлежал к руководящему персоналу крупнейших предприятий) и его недостаточной грамотности, лишавшей его умения написать книгу; свидетели из Америки будут утверждать, что он с самого начала был американским агентом на службе в Закупочной Комиссии в Вашингтоне, и выдавал советские секреты.

Виктор Кравченко

Фото из „Таймс“.

Кроме того, он пил, ночи проводил в ночных локалах — а расходы платила американская «разведка».

На что рассчитывает МГБ, пускаясь вплавь в это море грязи и обмана? Оно рассчитывает на убедительную силу «доказательств», которые она в силах привести. Для нее не представит труда переслать за границу фальшивые расписки, сфальсифицированные бухгалтерские книги и другие документы, изготовленные сих дел мастерами на Лубянке. Оно рассчитывает также на группу свидетелей, родные которых остаются дома и которые, получив при отъезде надлежащую инструкцию, будут повторять затем на суде все, что приказано, слово в слово. И когда все эти вещественные и невещественные доказательства будут поданы суду и будут скреплены авторитетом великой державы, — какой судья решится отвергнуть их и ложь назвать ложью, а клевету клеветой?

И все же — не переоцени ли свои силы те персонажи в Кремле, которые дали согласие и распоряжение о процессе? Свои понятия о юстиции они черпают из практики Вышинских и Ульрихов, из процессов, где противная сторона бессильна и без молвна. На этот раз дело будет несомненно поставлено иначе. Суд надо полагать, не долго будет задерживаться на «доказательствах», ему предложенных. Кравченко, надо полагать, перейдет от обороны к наступлению. Он, без сомнения, окажется в силах доказать правдивость своего повествования. Он еще раз скажет правду о советских методах политики и полиции. Он посадит на скамью подсудимых вдохновителей и вождей московского террора.

Парижский процесс закончится иначе, чем кончались все без исключения показательные процессы в Советском Союзе. Это будет суд публичный и честный. И потому это будет оглушительная пощечина его подлинным инициаторам, лжецам и клеветникам.

„С. Вест.“

К ПРОЦЕССУ КРАВЧЕНКО

Прочитав «Обращение» В. Кравченко (к предстоящему парижскому судебному процессу), я, как лично знающий и знакомый с В. Кравченко по совместной работе на Южно-Трубно-металлургическом заводе в гор. Никополе, полностью удостоверяю описанную им правду трагедии администрации этого завода — Брачко П. П., Вишнева М. А., Акулова И. С. (личного друга В. Кравченко), Наследника И. П. с их женами

и даже близкими родственниками, а также многих других ответственных руководителей завода, попавших безвинно в жестокие лапы энкаведистов Дарагана и Гершгорина, и получивших чрезмерно тяжелые наказания. Кроме того, я хорошо знаю не только существование застенков НКВД и концлагерей, но и их кошмарную действительность «перевоспитывания» на тот свет. За годы с 1920 по 1935 я трижды судился НКВД, где без суда и вызова каких бы то ни было свидетелей, я заочно присуждался к различным срокам заключения и из 15-летнего срока осуждения я, слава Богу, «отработал» в этих «рабоче-крестьянских университетах» только 9 лет и 2 месяца по пресловутой и подходящей ко всем случаям жизни 58-й статье У.П.К. Зная целый ряд дискредитирующих советскую власть фактов, которые могу подтвердить документально, я хочу помочь нашему земляку и моему соотаришу В. Кравченко, выступив на его процессе в Париже в качестве его свидетеля.

Прошу Вас, многунажаемый г. Мельгунов, по своему усмотрению или путем опубликования во французской прессе или в Вашем журнале использовать мое заявление, но с тем расчетом, чтобы оно во время дошло до сведения В. Кравченко или было бы передано его адвокату г-ну Жоржу Изар в Париже.

Инженер И. Суворов
(Германия).

„Р. Д.“

Завет Герцена

„Нет, не блудными детьми России, не поседевшими Магдалинами, с понурой головой, воротимся мы, если воротимся, а свободными людьми, требующим и не оправдания, не прощения, а признания дела всей нашей жизни. Не при жизни, так на нашей могиле настанет день не нашего раскаяния, а раскаяния перед нашими теньями за оскорбленную в нас любовь к России“.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА

Денежная помощь журн. „СЕЯТЕЛЮ“ получена от следующих друзей:

Рубакинская группа из Бериссо 100 песо; (из Детройта) Ив. Черный 10 дол. и С. С. 5 дол. арг. 71,40; П. Д. 10.—; В. О. 4.—; Александр Томашевский 10.—.

Издательство „СЯТЕЛЯ“ приносит благодарность всем друзьям за материальную и моральную поддержку.

Доклад ген. Б. А. Хольмстона

НА ТЕМУ: „Русские военно-политические национальные движения в войну 1941—1945 гг.“

В назначенный час в зал вошел докладчик с супругой в сопровождении своих офицеров. Доклад носил военный характер, даже по сторонам докладчика стояли дежурные. Такова внешняя обстановка для не военных, проживающих в Аргентине, показалась несколько театральной.

С первых слов докладчик заявил, что он человек не партийный и будет говорить только правду, как солдат, что посвящает настоящий доклад генералам Власову и Штейфону.

С большим пафосом докладчик нарисовал величественную фигуру ген. Власова, неоднократно подчеркивая его особую способность, как организатора, так и военного стратега.

— Несмотря на то, что Власов советского воспитания, он превосходный генерал. Свои способности он много раз показывал в боях с немцами, в особенности под Киевом. За это получил награду от самого Сталина.

Когда угрожала опасность столице коммунизма — Москве, Сталин приказал ген. Власову переехать для защиты ее. Здесь тоже Власов выявил свои незаурядные способности. Немцы это на своей голове чувствовали во многих атаках, которые Власов успешно отбивал. Но в конце концов его армия попала в мешок. Много времени Власов скрывался по лесам, чтобы не попасть в руки немцев, но все-таки был опознан и забран в плен.

В это время в немецком плену находились миллионы русских воинов. Да, это были русские люди только лишь в советской форме; под ней билось русское сердце. Они тысячами ежедневно умирали за колючей проволокой в немецком плену.

Господа! Вы не можете себе представить того, как за колючей проволокой эти русские люди умирали. Их жизнь равнялась жизни дышла, за которым приходил повар.

Ген. Власов не мог смотреть хладнокровно на это положение пленных русских, когда обходил немецкие лагеря, сердце его сжималось от этой страшной картины, быть может еще и потому, что происходит он из бедной, многочисленной крестьянской семьи; он — 14 й сын в семье. Знал превосходно нужду и горе.

Ген. Власов после этого ни на минуту не задумывался и присоединил свой голос

к уже созданной Освободительной Русской Армии, которая состояла из 90% старых эмигрантов и 10% подсоветских.

На первый призыв ген. Власова из лагерей потянулись длинные колонны пленных и в короткое время ОРА уже состояла из 90% подсоветских людей и лишь 10% старых эмигрантов. Власов в своих речах говорил просто и ясно: Россия для русских; только ОРА выгонит из России большевиков и т. д. В 40 минутах докладчик нарисовал в ярких чертах деятельность ген. Власова и стремление ОРА. Также указал, что бюрократизм наци запутал и сбил с правильного пути ген. Власова.

После перерыва, в часовой речи докладчик указал, как возродилось власовское движение, кем оно вдохновлялось и его цели.

Словом, это была великая русская сила, объединяющая в своих рядах всех русских людей, без различия их политических, религиозных и классовых взглядов. — всех антикоммунистов. В нем ген. Власов представлял подсоветского человека, ген. Штейфона русского эмигранта, я был из немецкого штаба.

Немцы отнеслись к этой силе недружески, не пособили нам, а, наоборот, дезорганизовали и рассеяли нас. Так напр., ген. Штейфона послали в Югославию, в горы, вылавливать титовцев, ген. Власова усмирять французов, а меня в Варшаве арестовали. Несмотря на то, что я имел в немецком генеральном штабе друзей, но... пришлось обращаться к самому Фюреру о моем освобождении.

Таким порядком ОРА не была допущена даже близко к русской земле. Эта армия была деморализована и удалена из рядов борцов против поработителей российских народов коммунистов. Ряды наши распались по всему миру. Недавно я с 80 офицерами приехал в Аргентину.

Немцы боялись русских. Они создавали комитеты всех народностей России, за исключением русских. Мне самому поручали создать украинскую, белорусскую армию. Немцы пошли к пропасти, ибо ИХ ЦЕЛЮ БЫЛО ЗАВОЕВАТЬ РОССИЮ, а не освободить ее от коммунизма.

В моей книге „Магические пути“, я подробно указываю о том, что за 100 лет на Россию ходили многие, но погибли там же. Россию завоевать нельзя. Этого немцы не

(Окончание на стр. 15-й)

ПРИЛОЖЕНИЕ

П. КРОПОТКИН.

ИДЕАЛЫ и действительность в русской литературе

С английского. Перевод В. БАТУРИНСКОГО.

Продолжение [5]

Та же прелесть и искренность выражения характеризуют и все позднейшие произведения Пушкина. Он не отступал от нея даже тогда, когда касался так-называемых возвышенных предметов; он остался верен ей и в самых страстных и в философских монологах своих позднейших драм. Это делает Пушкина особенно трудным для перевода на английский язык, так как в английской литературе XIX века, Ворд-

сворт является единственным поэтом, отличающимся той же простотой. Но, в то время, как Вордсворт проявлял эту простоту главным образом в описаниях изящных и спокойных английских ландшафтов, или сельской жизни, Пушкин говорил с той же простотой о человеческой жизни вообще, и его стихи текут так же легко, как проза; они свободны от искусственных украшений, даже тогда, когда он описывает самые бурные человеческие страсти. В его презрении ко всякому преувеличению и ко всему театральному, ходульному; в его решимости не иметь ничего общего с „разрумяненным трагическим актером, махающим мечом картонным“, — он был истинно-русским, и он помог, в сильной степени, русской литературе и русской сцене развить тот вкус к простоте и искренности в выражении чувств, образцы которых мы встретим так часто на страницах этой книги.

Няня Пушкина

А
Р
И
Н
А

Р
О
Д
И
О
Н
О
В
Н
А

*Выпьем, добрая подружка
Ведной тишины моей!
Выпьем с горя, где же кружка,
Сердцу будет веселей!..*

*Подруга дней моих суровых
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.*

А. С. Пушкин

Главная сила Пушкина была в его лирической поэзии, а основной нотой этой поэзии была у него любовь. Тяжелые противоречия между идеалом и действительностью, от которых страдали люди более глубокие, в роде Гете, Байрона или Гейне, были незнакомы Пушкину. Он отличался более поверхностной натурой. Надо, впрочем, сказать, что вообще западно-европейский поэт обладал таким наследством, какого у русского тогда еще не было. Каждая страна Западной Европы прошла через периоды великой народной борьбы, во время которых ватрагивались в глубокой форме самые важные вопросы человеческого развития. Великие политические столкновения вызывали яркие и глубокие страсти; они создавали трагические положения; они побуждали к творчеству в высоком, возвышенном направлении. В России же крупные политические и религиозные дви

жения, имевшие место в XVII и XVIII-м веках, как, например, Пугачевщина, были восстаниями крестьян, в которых образованные классы не принимали участия. Вследствие всего этого, интеллектуальный горизонт русского поэта неизбежно сужен. Есть, однако, в человеческой природе нечто такое, что всегда живет и всегда находит отклик в человеческом сердце. Это — любовь; и Пушкин, в своей лирической поэзии, изображал любовь в таких разнообразных проявлениях, в таких истинно прекрасных формах и с таким разнообразием оттенков, что в этой области нет поэта равного ему. Кроме того, он часто выказывал такое утонченное высокое отношение к любви, что это отношение оставило такой же глубокий след в позднейшей русской литературе, какой изящные типы женщин Гете оставили в мировой словесности. После ноты, взятой Пушкиным, для русского поэта становилось невозможным относиться к любви менее серьезно.

В России Пушкина часто называли русским Байроном. Но это сравнение едва ли справедливо. Он несомненно подражал Байрону в некоторых своих произведениях; но это подражание, — по крайней мере в „Евгении Онегине“ — вылилось в блестящее оригинальное произведение. На Пушкина, несомненно, произвел глубокое впечатление горячий протест Байрона против „накрахмаленной добродетели“ Европы, и было время, когда Пушкин, если бы ему удалось вырваться из России, вероятно, присоединился бы к Байрону в Греции.

Но вследствие поверхностности характера, Пушкин не мог понять, а тем менее разделять, той глубокой ненависти и презрения к после-революционной Европе, которая сжигала сердце Байрона. Пушкинский „байронизм“ был поверхностным и хотя русский поэт всегда был готов бравировать „порядочное“ общество, ему не была знакома ни та тоска по свободе, ни та ненависть к лицемерию, которая воодушевляла Байрона.

Вообще, сила Пушкина лежала не в возвышенном или свободолобивом поэтическом призыве. Его эпикурейство, его воспитание, полученное от французских эмигрантов, и его жизнь среди распущенного высшего петербургского общества — были причиной того, что великие вопросы, назревавшие тогда в тогдашней русской жизни, оставались в значительной мере чужды его сердцу. Вследствие этого, к концу своей недолгой жизни, он уже расходился с теми из своих читателей, которые считали недостойным поэта восхищаться во-

енной силой России, после того как войска Николая I раздавили Польшу, — и находили, что описывать прелести зимнего сезона скучающих бар в Петербурге — еще не значит описывать русскую жизнь, в которой ужасы крепостного права и абсолютизма с каждым годом становились невыносимее.

Главная заслуга Пушкина была в том, что он в несколько лет сумел создать русский литературный язык и освободить литературу от того театрального напыщенного го стиля, который раньше считался необходимой оболочкой всякого литературного произведения. Пушкин был велик в области поэтического творчества: он обладал гениальной способностью описывать самые обыденные вещи и эпизоды повседневной жизни, или самые простые чувства обыденных людей таким образом, что читатель, в свою очередь, снова переживал их. В то же время, при помощи самых скудных материалов, он мог воссоздавать минувшую жизнь, воскрешать целые исторические эпохи, и в этом отношении лишь Лев Толстой может быть поставлен наравне с ним. Затем, сила Пушкина была в его глубоком реализме — том реализме, понимаемом в лучшем смысле слова, которого он был родоначальником, и который, как мы увидим позже, сделался впоследствии отличительной чертой всей русской литературы. Наконец, сила его — в широких гуманитарных взглядах, которыми проникнуты его лучшие произведения, в его жизнерадостности и в его уважении к женщине. Что же касается красоты формы, то его стихи отличаются такой „легкостью“, что прочтенные два-три раза они тотчас запечатлеваются в памяти читателей. Теперь, когда они проникли в глушь русских деревень, этими стихами наслаждаются уже миллионы крестьянских детей, — после того как ими восхищались такие утонченные философские поэты, как Тургенев.

Пушкин пробовал также свои силы в драме и, насколько можно судить по его последним произведениям („Каменный гость“ и „Скупой рыцарь“), он, вероятно, достиг бы крупных результатов и в этой области поэтического творчества, если бы его жизнь не пресеклась так рано. Его „Русалка“, к сожалению, оказалась незавершенной, но о драматических ее качествах можно судить по той потрясающей драме, которую она представляет в опере Драгомыжского. Историческая драма Пушкина, „Борис Годунов“, действие которой происходит во времена Димитрия Самовладца, включает в себе несколько замеча-

тельных сцен, выдающихся—одне, по юмору, а другие—по тонкому анализу чувств; но в общем, это произведение вернее называть драматической хроникой, чем драмой. Что же касается „Скупого рыцаря“, то это произведение указывает на замечательную силу уже созревшего таланта; некоторые места этих драматических сцен достойны пера Шекспира. „Каменный гость“, в котором удивительно воспроизведен дух Испании, дает читателю лучшее понятие о типе Дон Жуана, чем какое либо изображение того же типа в других литературах; в общем, это произведение имеет все качества первоклассной драмы, и в нем есть действительно проблески гениальности.

К концу короткой жизни поэта в его произведениях начинают появляться признаки более глубокого жизнепонимания. Пустота жизни высших классов, очевидно, приелась ему, и когда он начал писать историю великого крестьянского восстания, поднятого Пугачевым во время царствования Екатерины II-й, он начал понимать и сочувственно относиться к внутренней жизни русского крестьянства. Он начал смотреть шире и глубже на народную жизнь. Но эта пора развития его гения была внезапно прервана преждевременной смертью. Он, как мы сказали раньше, был убит на дуэли, человеком, принадлежавшим к тогдашнему «высшему обществу» Петербурга.

Наиболее популярным из произведений Пушкина остался его роман в стихах, „Евгений Онегин“. По форме он очень напоминает „Чайльд Гарольда“ Байрона, но содержание его чисто-русское, и в нем мы имеем едва-ли не лучшее описание русской жизни в столицах и в маленьких дворянских поместьях. Композитор Чайковский воспользовался сюжетом и текстом „Евгения Онегина“ для оперы того же названия, пользующейся большим успехом на русской сцене. Герой романа, Онегин, является типическим представителем общества той эпохи. Он получил самое поверхностное образование от французского учителя, — бывшего эмигранта, — и от гувернера немца; вообще, он учился „чемунибудь и какнибудь“. Десятилетием он делается собственником крупного состояния, — т.е. владыкой крепостных крестьян, о которых он ничуть не заботится, — и как, подобает, погружается в жизнь тогдашнего петербургского „света“. Его день начинается очень поздно чтением массы приглашений на обеды и ужины, балы и маскарады. Он, конечно, постоянный посетитель театра, в котором балет предпочитает

неуклюжим драматическим произведениям тогдашних русских драматургов; значительную часть дня он проводит в модных ресторанах, а ночи—на балах, где он играет роль разочарованного молодого человека, утомленного жизнью и вообще старается покрасивее завернуться в плащ байронизма. Вследствие различных причин, ему приходится провести лето в собственном имении, где в близком соседстве живет молодой поэт, Ленский, получивший образование в Германии и полный германского романтизма. Они делают большие дру-

К
О
М
П
О
З
И
Т
О
РЧ
А
Й
К
О
В
С
К
И
Й

взями и заводят знакомство с семьей помещика, живущей по соседству. Глава этой семьи, — старуха мать, — превосходно изображена Пушкиным. Ее две дочери, Татьяна и Ольга, не сходны по характерам: Ольга — безыскусственная, жизнерадостная девушка, не задумывающаяся над какими бы то ни было вопросами, и молодой поэт влюбляется в нее; любовь эта должна закончиться браком. Татьяна же — поэтическая девушка и Пушкин положил всю силу своего таланта, чтобы изобразить ее, как идеальную женщину: интеллигентную, мыслящую и воодушевленную неясными стремлениями к чему то лучшему, чем та прозаическая жизнь, которую ей приходится владеть. Онегин производит на нее с первых же дней знакомства глубокое впечатление; она влюбляется в него; но Онегин, одержавший столько побед в высших кругах столицы и носящий теперь маску разочарования, не обращает никакого внимания на наивную любовь бедной деревенской девушки. Она пишет ему, и в письме с большой откровенностью и в самых пате-

тических выражениях говорит ему о своей любви; но молодой хлыщ не находит ни чёго лучшего, как прочесть ей нотацию о ее необдуманности и, кажется, находит великое удовольствие, поворачивая нож в на несенной им ране. В то же самое время на одном из деревенских балов, Онегин, поджигаемый каким то бесом, начинает ухаживать самым вызывающим образом за другой сестрой, Ольгой. Молодая девушка восхищена вниманием мрачного героя, и в результате Ленский вызывает Онегина на дуэль. Отставной офицер, старый дуэлист, вмешивается в дело, и Онегин, — который, несмотря на высказываемое им яко-бы презрение к общественному мнению, очень дорожит мнением даже местного деревенского общества, — принимает вызов. Он убивает своего друга-поэта на дуэли и принужден уехать из своего имения. Проходят несколько лет. Татьяна, оправившись от болезни, отправляется однажды в деревенский дом Онегина и вступает в дружбу со старушкой ключницей; она проводит затем целые месяцы в чтении книг из библиотеки Онегина. Но жизнь потеряла для нее свою прежнюю прелесть; уступая уговорам матери, она уезжает в Москву и там выходит замуж за старика-генерала. Замужество приводит ее в Петербург, где она играет выдающуюся роль в придворных кружках, и в этой новой обстановке она опять встречается с Онегиным, который едва узнает свою деревенскую Тавю, ставшую теперь блестящею светскою, и

безумно влюбляется в нее. Она не обращает на него внимания и оставляет его письма без ответа. Наконец, он является в ее дом, уловив удобный час, и застаёт Татьяну за чтением его писем, при чем глаза ее полны слезами. Онегин произносит пламенное признание в любви, и на это признание Татьяна произносит монолог, отличающийся удивительной красотой. Целое поколение русских женщин плакало над этим монологом, читая известные строки: „Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была и я любила вас“. Но любовь деревенской девушки не представляла ничего привлекательного для Онегина.

..... Чтож ныне
 Меня преследуете вы?
 Зачем у вас я на примете?
 Не потому-ль, что в высшем свете
 Теперь являться я должна,
 Что я богата и знатна,
 Что муж в сраженьях изувечен,
 Что нас за то ласкает двор?
 Не потому-ль, что мой побор
 Теперь бы всеми был замечен
 И мог бы в обществе принести
 Вам соблазнительную честь?”

ТАТЬЯНА ПРОДОЛЖАЕТ:

„А мне, Онегин, пышность эта —
 Придворной жизни мишура,
 Мои успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 — Что в них? Сейчас отдать я ради

*Пушкин
 и
 Мицкевич
 у
 намятника
 Петру
 Великому.*

Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум, и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище,
 За те места, где в первый раз,
 Онегач, видела я вас...
 Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...

ОНА ПРОСИТ ОНЕГИНА ОСТАВИТЬ ЕЕ:

„Я вас люблю (к чему лукавить?)
 Но я другому отдана —
 Я буду век ему верна”.

Сколько тысяч молодых русских женщин позднее повторяли эти стихи и говорили самим себе: „О, как охотно мы бы сдали все эти наряды, весь маскарад роскошной жизни за полку книг, за жизнь в деревне среди крестьян, вблизи могилы старухи-няни в нашей деревне?” И сколько из них ушло в деревню!.. Позднее мы встретим тот же тип русской девушки в ее дальнейшем развитии в романах Тургенева и в русской жизни. Предугадавши это явление Пушкин, действительно, был великим поэтом.

ЛЕРМОНТОВ.

Рассказывают, что когда Тургенев встретился со своим близким другом, Кавелиным, — симпатичным философом и выдающимся писателем по историко-юридическим и общественным вопросам, — они часто начинали спор: „Пушкин или Лермонтов?” Тургенев, как известно, считал Пушкина не только одним из величайших поэтов, но и одним из величайших художников, в то время как Кавелин утверждал, что Лермонтов, в его лучших произведениях, стоит, как художник немногим ниже Пушкина, но что в то же время его вдохновение имеет более высокий полет. Если прибавить, что литературная карьера Лермонтова продолжалась всего восемь

лет, — он был убит на дуэли, когда ему было двадцать шесть лет, — громадный талант юного поэта и лежащая пред ним блестящая будущность очевидны для всякого.

В жилах Лермонтова текла шотландская кровь. Основателем фамилии был шотландец, Джордж Лермонт (*George Learmonth*), который, с шестидесятью шотландцами и ирландцами, вступил на службу, сначала Польши, а потом (в 1613 году) России. Жизнь поэта остается до сих пор, в сущности, мало исследованной. Несомненно, что его детство и юношеские годы не были счастливы. Его мать любила поэзию и, кажется, сама писала стихи; но он потерял ее, когда ему было всего три года, а ей двадцать один. Его бабушка с материнской стороны, аристократка, отняла его от отца, бедного армейского офицера, которого ребенок обожал, и дала ему образование, тщательно охраняя его от каких либо сношений с отцом. Ребенок был очень талантлив и уже в четырнадцатилетнем возрасте начал писать стихи и поэмы — сначала по-французски (подобно Пушкину), а позднее — по-русски. Шиллер и Шекспир, а с шестнадцати лет — Байрон и Шелли, были его любимыми поэтами. Шестнадцати лет Лермонтов поступил в московский университет, оттуда, впрочем, в следующем году был исключен за участие в демонстрации против одного скучного профессора. Тогда

К. Д. Кавелин

Он поступил в военную школу в Петербурге, откуда восемнадцати лет вышел в офицеры.

Молодым человеком, двадцати двух лет, Лермонтов внезапно получил широкую известность, благодаря своему стихотворению «На смерть Пушкина» (1837 г.). Великий поэт, поклонник свободы и враг притеснения, сразу обнаружился в этом полном страстного гнева произведении молодого писателя, в нем особенно могущественны заключительные стихи:

„А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятаю рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!
Тапаете вы под сению закона:
Перед вами суд и правда — все молчи!
Но есть и Божий суд наперсники разврата;
Есть грозный судия, Он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела Он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!”

Спустя несколько дней, весь Петербург, а вскоре и вся культурная Россия, — знали эти стихи наизусть; они расходились в тысячах рукописных копий.

За этот страстный крик оскорбленного сердца, Лермонтов немедленно поплатился ссылкой. Только благодаря вмешательству могущественных друзей, он не попал в Сибирь. Его перевели из гвардейского полка, в котором он служил, в армейский полк на Кавказ.

Лермонтов уже раньше был знаком с Кавказом: он посетил его десятилетним ребенком, и это первое посещение оставило в его душе неизгладимые следы. Попадая туда снова, он еще более был поражен ве-

КОНЕЦ ДУЭЛИ

Рисунок К. ЧИЧАГОВА.

личием кавказской природы. Надо сказать, что Кавказ — одна из самых красивых областей земного шара. От моря до моря проходит цепь гор, более высоких, чем Альпы, и их склоны покрыты и окружены бесконечными лесами, садами и стенами, при чем теплый южный климат, а также сухость и прозрачность воздуха — в значительной степени усиливают природную красоту гор. Покрытые снегом гиганты видны за многие десятки верст, и грандиозность горной цепи производит такое впечатление, какого невозможно получить где бы то ни было в других частях Европы. Значительно усиливает красоту хребта полутропическая растительность, одевающая горные склоны, на которых гнездятся деревушки с их каменными башнями, придающими туземным поселениям воинственный вид; все это купается в блистающих солнечных лучах Востока и населено расой, принадлежащей к красивейшим в Европе. Наконец, в то время, когда Лермонтов попал на Кавказ, горцы с поразительной храбростью боролись против русского вторжения, грудью защищая каждую долину в родных горах.

Вся красота природы Кавказа отразилась в поэзии Лермонтова, при том в такой форме, что ни в одной другой литературе не найдется описаний природы более прекрасных, производящих такое же глубокое впечатление на читателя, и вместе с тем так верных действительности. Боденштедт, немецкий переводчик и личный друг Лермонтова, хорошо знакомый с Кавказом, был вполне прав, когда заметил, что картины Лермонтова могут заменить целые томы географических описаний. Действительно, можно прочесть много томов, посвященных описанию Кавказа, и все-таки они не смогут придать новых конкретных черт к тем чертам, которые запечатлеваются в уме после чтения поэм Лермонтова. Тургенев, говоря о Пушкине, приводит сделанное Шекспиром (в „Короле Лире“) описание моря со скал Дувра, указывая на это описание как на высший образец природо-описательной поэзии. Я должен, однако, сказать, что, на меня, это описание не производит сильного впечатления. Прием состоящий в том чтобы сосредоточить внимание на мелких деталях не удовлетворяет меня, так как картина Шекспира вовсе не передает ни безбрежности моря, открывающейся с высоты Дуврских скал, ни — еще менее того — поразительного богатства цветов, переливающихся на далеких волнах в солнечный день. Понятие о высоте скал — дано, но моря нет в этой

картине. Изображения природы в прозаических произведениях Лермонтова свободны от всякого подобного упрека. Боденштедт совершенно справедливо заметил, что Лермонтов, своими картинами природы Кавказа, удовлетворяет в одинаковой степени, как натуралиста, так и художника. Описывает ли он гигантскую цепь гор, где взгляд теряется здесь — в снежных облаках, там — в неизмеримых пропастях узких расселин; упоминает ли он о какой-нибудь детали, — например, о горном потоке, о бесконечных лесах, о веселых, покрытых цветами, долинах Грузии, или же о группах легких облаков, гонимых сухим ветром северного Кавказа, — описание его всегда настолько верно природе, что перед читателем возникает картина, полная живых красок и в то же время она окружена поэтической атмосферой, благодаря которой чувствуется свежесть этих гор, аромат их лесов и лугов, чистота горного воздуха. И все это сказано в стихах, отличающихся поразительной музыкальностью. Стихи Лермонтова, если и не отличаются «легкостью» стихов Пушкина, часто бывают более музыкальны: они звучат, как чудная мелодия. Русский язык вообще мелодичен, но в стихах Лермонтова он достигает мелодичности италянского языка.

В интеллектуальном отношении Лермонтов, пожалуй, стоит ближе всего к Шелли. Автор „Скованного Прометея“ произвел на него глубокое впечатление; но, тем не менее, Лермонтов не пытался подражать Шелли. В самых ранних своих произведениях он подражал Пушкину и Пушкинскому байронизму, но он вскоре уже вышел на собственную дорогу. Можно только сказать, что ум Лермонтова, как ум Шелли, занимали великие проблемы Добра и Зла, борющихся между собою и в сердце человека и во вселенной. Подобно Шелли среди поэтов и Шопенгауэру среди философов, Лермонтов чувствовал необходимость пересмотра современных начал нравственности, которая так настоятельно сказывается в настоящее время. Эта сторона его поэзии нашла выражение в двух поэмах — „Демон“ и „Мцыри“, пополняющих одна другую. В первой из них изображается пламенная душа, порвавшая с землей и с небом и смотрящая с презрением на всех поглощенных мелкими страстями. Изгнанник из рая, Демон ненавидит человеческие добродетели. Он знает, как мелки страсти людей и глубоко презирает их. Любовь этого Демона к грузинской девушке, которая скрывается в монастырь и умирает там — можно ли было выбрать более фан-

тастический сюжет, ничего не имеющий общего с реальной жизнью? А между тем, при чтении поэмы, постоянно поражешься невероятным богатством чисто-реальных конкретных описаний, всегда одинаково прекрасных — как в отдельных сценах, так и в анализе многообразных оттенков человеческих чувств. Танец девушки в ее грузинском замке перед венчанием; встреча ее жениха с разбойниками и его смерть; быстрый бег его верного коня; страдания невесты в монастыре, и даже любовь Демона и каждое его движение, — описаны с истинным реализмом, в высшем значении этого слова; с тем реализмом, который Пушкин навсегда утвердил в русской литературе.

„Мцыри“, это — воля юной души, стремящейся к свободе. Мальчик, взятый из горной черкесской деревушки, воспитан в маленьком русском монастыре. Монахи думают, что они успели убить в нем все человеческие чувства и стремления; но мечтой мальчика остается, — хотя бы раз, хотя бы на один только миг, — повидать снова родные горы, где его сестры пели вокруг его колыбели; прижать свою пылающую грудь к сердцу человека, который бы не был для него чужим. Однажды ночью, когда ревет страшная буря, и монахи, в страхе молятся, собравшись в церкви, ему удается убежать из монастыря, и он в течение трех дней блуждает по лесам. Наконец-то, в первый раз в своей жизни, он наслаждается несколькими моментами свободы и чувствует в себе всю энергию и всю силу юности. Он говорит впоследствии: — „О, я как брат, обнявшись с бурей был бы рад! Главами тучи я следил, рукавами молнии ловил“... Но, будучи экзотическим цветком, ослабленный воспитанием, он не может найти пути в родную страну. Он заблудился в лесах, простирающихся на сотни верст кругом, и через несколько дней его, полумертвого, находят недалеко от монастыря. Он умирает от ран, нанесенных ему во время борьбы с барсом.

Он говорит старику-монаху, уходящему за ним:

„Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине.
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил?
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей.

С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой скнажине стены,
Датя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил — я также мог бы жить”!

И он рассказывает о красоте природы, которую он видел во время своего побега, о своем безумном восторге при чувстве свободы, о борьбе с барсом:

„Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней —
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей”...

Демонизм или пессимизм Лермонтова не был пессимизмом отчаяния. Это был могущественный протест против всего низменного в жизни, и в этом отношении его поэзия оставила глубокие следы на всей последующей русской литературе. Его пессимизм был раздражением сильного человека, видящего вокруг себя лишь слабых и низких людей. Одаренный врожденным чувством красоты, не могущей существовать вне Правды и Добра, и в то же время окруженный — особенно в светском обществе, в котором он вращался и на Кавказе — людьми, которые не могли или не смели понять его, он легко мог бы прийти к пессимистическому мировоззрению и к человеку-ненавистничеству; но он всегда сохранял веру в человека. Вполне естественно, что в своей юности, — в тридцатых годах прошлого столетия, бывших эпохой всеобщей реакции, — Лермонтов мог выразить свое недовольство миром в такой абстрактной по замыслу поэме, как „Демон”. Нечто подобное есть и в истории поэтического развития Шиллера. По постепенно пессимизм Лермонтова принимал более конкретные формы. Он начинал уже ненавидеть не человечество вообще, а тем менее небо и землю, и в своих позднейших произведениях он уже относился с презрением к отрицательным свойствам людей своего поколения. В своем романе, „Герой нашего времени”, в „Думе”, он уже проводит высшие идеалы и в 1840 году, т. е. за год перед смертью, он, по видимому, готовился выступить с новыми созданиями, в которых его могущественный творческий и критический ум направился бы к указа-

нию реальных вол действительной жизни и реального, положительного Добра, к которому поэт, очевидно, стремился. Но, как раз в это время, он, подобно Пушкину, был убит на дуэли.

Лермонтов прежде всего был «гуманистом», — глубоко гуманитарным поэтом. Будучи всего 23 х лет он написал поэму „Цесня о купце Калашникове”, действие которой происходит во время Иоанна Грозного и которая, по справедливости, считается одной из драгоценностей русской литературы по художественной законченности, силе выражения и удивительно выдержанному эпическому стилю. Эта поэма произвела большое впечатление в Германии (в превосходном переводе Боденштедта), дышит чувством могучего негодования против зверств грозного царя и его опричников.

Лермонтов глубоко любил России, но конечно не Россию официальную; он не восхищался военной силой отечества, которая дорога так-называемым патриотам, но писал:

„Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не победит ее разумок мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья —
Не шевелят во мне отрадного мечтанья”.

Он любил в России ее природу, ее деревенскую жизнь, ее крестьян. В то же время он горячо любил туземцев Кавказа, которые вели ожесточенную борьбу с русскими, отстаивая свою свободу. Несмотря на то, что он сам был русским и участвовал в двух походах против черкесов, его сердце было полно симпатии к этому храброму, пылкому народу и к его борьбе за независимость. Одна из его поэм, „Измаил-бей”, является апофеозом этой борьбы; в другой, одной из лучших, изображен черкес, бегущий с поля битвы в родную деревню, где его мать отталкивает его, как трусливого предателя. Другая жемчужина его поэзии, небольшая поэма „Валерик”, людьми, побывавшими в сражениях, считается лучшим и наиболее точным описанием битвы, какое существует в поэзии. А между тем Лермонтов не любил войны; он заканчивает одно из превосходных описаний битвы следующими стихами:

„Я думал: жалкий человек!
Чего он хочет?.. Небо ясно;
Под небом места много всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?..

(Продолжение следует).

Обращение

МУЗЕЯ-АРХИВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ РУССКОМ ЦЕНТРЕ
В ГОР. САН ФРАНЦИСКО, КАЛИФОРНИЯ. (Сев. Америка).

М. Г.

Правление недавно созданного Музея-Архива почтительно обращается с этим письмом ко всем тем русским людям, кто всегда чтал и был предан заветам и идеалам нашей великой русской культуры.

Ныне, когда над русской эмиграцией Европы снова нависли грозные перспективы пережитого, когда погиб для всех нас прекрасный Культурно-Исторический Музей в Праге и Архив Н. А. Рубакина в Швейцарии, когда только одна Америка живет еще более или менее нормальной жизнью, но где до сих пор не было ни одного хранилища русских культурных ценностей, если не считать Музея имени художника Рерих (умершего в конце 1947 г. Ред.) в Нью Йорке, созданного на средства американцев-меценатов, — организация подобного хранилища, казалось бы, должна встретить широкое сочувствие и поддержку. И в этом мы не ошиблись: факты благожелательного отношения, широкого отклика и готовности помочь созданию этого нового культурного дела в Америке заставляют уют уверовать всех нас в его настоятельную необходимость и будущее значение.

Наш Музей — плод 10-ти летних дум, сомнений и неуверенных шагов, созданный усилиями четырех местных организаций: Русского Центра, Русского Исторического Общества, Русского Сельскохозяйственного Общества и Общества любителей сценического искусства — «АРТ», является самостоятельной, самоуправляемой, широкой и строго общественной организацией и которая должна быть создаема на основе жертвенной помощи и участия всех сочувствующих.

Еще до оформления нашей идеи Организационным Собранием мы получили ценнейшую поддержку и искреннее сочувствие от нашего великого ученого-эмигранта, — акад. В. Н. Ипатьева, и Собрание взяло на себе смелость просить его принять звание Почетного Председателя, на что было получено дорогое всем нам его согласие.

Отдавая дань уважения представителю местной высшей духовной власти и другим выдающимся людям русской эмиграции в Сев. Америке и желая признать еще больший вес и авторитет новому делу, то же Собрание решило создать при Музее

институт Почетных Покровителей из следующих лиц:

Его Высокопреосвященство *Митрополит Феофил*, как глава церковной власти в Америке, проф. *С. П. Тимошенко*, проф. *И. П. Гензель*, проф. *П. А. Сорокин*, композитор *А. Т. Гречанинов*, гр. *А. Л. Толстая*, писатель *Г. Д. Гребенщиков*, дирижер *С. А. Жаров* и инженер-агроном *И. К. Окулич*. Все эти лица, за исключением проф. Тимошенко, уехавшего в Европу, так же оказали нам высокую честь, выразив свое согласие.

Основная и главная цель Музея — быть хранилищем всевозможных русских культурных ценностей и памятников, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и которые хотелось бы собрать, хранить и сделать объектом внимания и познания. Эти материалы, в виде научных, литературно-художественных, исторических и проч. печатных, или рукописных трудов, всевозможных исторических документов, мемуаров, воспоминаний, картин, фотографий, предметов водчества и вааяния, архитектурных произведений, альбомов, коллекций, реликвий, обрисовывающих духовную и бытовую сторону жизни русских людей — все это могло быть ценными экспонатами нашего Музея-Архива. Это есть первая часть основной его задачи.

Вторая, тесно с ней связанная и являющаяся как бы следствием и результатом первой — есть наше желание выявить в доступной и наглядной для понимания форме тот вклад, который внесен нашей старой родиной и лучшими людьми эмиграции в сокровищницу духовной и материальной культуры Америки.

Об этом русском вкладе не только нет полных знаний и даже представлений у самих американцев, об этом даже и мы, русские, не имеем полных понятий. А это так важно и необходимо знать и особенно важно выявить теперь, когда все русское ныне попирается, когда бывшее уважение подорвано и на всю русскую эмиграцию ложится долг защиты и охраны доброго имени бывлой русской культуры, поддержания истинных понятий и представлений о нашей родине, о ее духовном лике, неизуродованном, неприкрашенном преднамерен-

ной и живой рекламой, о всемировом значении ее культуры, о подлинной жизни и страданиях ее народа, о положении церкви, жизни и творчества ее культурных сил.

Музей-Архив, как памятник, как творение людей, потерявших родину, не может отказать себе, не взяв на свои плечи и эту задачу.

И если бы нам удалось исполнить хотя бы небольшую долю этой огромной важности проблемы, если те, кто является носителем, выразителем и источником этих культурных вложений, отзовутся на наш призыв о предоставлении сведений, обрисовывающих их творческую работу, если бы нам удалось собрать материалы, иллюстрирующие истинное положение жизни нашей старой роины, не вдаваясь в политику, — наше скромное детище исполнило бы большую патриотическо-национальную работу. Эти два задания и составляют объект внимания и сущность Музея-Архива, как хранилища русских культурных ценностей.

Что касается ближайших практических шагов деятельности Музея, то они будут включаться в следующем:

1) Мы хотели бы закончить наше старое задание по сбору материалов о «русской печати в Америке», присоединив сюда и печать вообще в эмиграции, так как мы имеем источники, освещающие и последнюю (под «русской печатью» мы имеем в виду ежедневную и периодическую, т. е. наши газеты и журналы).

Не мало материала нами уже собрано, но все же это не все и мы убедительно просим помочь нам в этом, присылая нам все, что издается на местах и особенно ценны были бы материалы, прекратившие свои издания, так как существующие нам раздобыть легче.

Из всего собранного материала мы намереваемся организовать специальную выставку, приурочив к ней издание «Сборника-указателя» этого рода печати, с рядом исторических очерков по странам ее существования.

2) Собирать материалы о русском общественно-культурном творчестве, понимая под ним созданные научно-культурные центры, как например: Культурно-Исторический Музей в Праге, Архив Рубакина в Швейцарии, Общество изучения Маньчжурского Края в Харбине, Клуб Естественных и Географии там же, Русский Православный Богословский Институт в Париже и др. всевозможные организации в равных областях научного знания, литературы, искусства, самообразования и пр. Подобной

сводки об этом творчестве русских людей, как будто, у нас не было, а между тем она имеет большой интерес в понимании и оценке явления, именуемого — «русская эмиграция».

3) И, наконец, последней задачей ближайшей деятельности, но которая, как и предыдущая, потребует усиленной работы многих лет, является тоже уже начатая наша попытка — сбор материалов о выдающихся деятелях русской эмиграции в Америке, о тех, кто является непосредственными творцами русского вклада, вносимого в духовную и материальную культуру Америки.

Собрать хотя бы данные о русской профессуре, подвигающейся в разных университетах и наших ученых специалистах, работающих в различных научно-исследовательских частных, общественных и государственных институтах — уже это одно имело бы крупный общественный интерес. А присоединив сюда краткие биографические данные, списки трудов, личные фотографии и проч. — это уже могло бы стать ценным вкладом для характеристики русской эмиграции, как одной из национальных группировок многоликой Америки.

В связи с этим заданием, мы теперь же почтительно просим представителей этой группы эмиграции помочь нам всем тем, о чем только что было сказано и этим они окажут большую услугу общему культурному делу.

Итак, от имени организации, преследующей наши обще-эмигрантские задачи, мы призываем всех, до кого дойдет наше «Обращение» — отнесите к нему со вниманием, интересом, доверием, не откажитесь вступить в члены Музея-Архива (членская плата всего лишь 6 долларов в год), постарайтесь быть полезным ему хотя бы в самом малом, используйте его, как общее наше хранилище культурных ценностей и помните, что создан он во имя наших общих нужд и целей — во имя сохранения от гибели оставшихся от прошлого и настоящего культурного творчества русских людей Зарубежья.

Музей-Архив гостеприимно открывает свои двери для всех, кто трудился и трудится на культурной ниве и кто обеспокоен за будущие судьбы плодов этой работы. Он с искренней признательностью работами и осторожностью приютит у себя самое скромное приношение и будет хранить его во имя общих благ и пользования.

Согласно «Положения» о Музее все те материалы и экспонаты, которые будут пе

реданы ему во временное пользование, все они будут возвращены их владельцам по первому же их требованию.

Кроме того, дабы Музей не постигла участь Пражского Музея и Архива Рубакина, в «Положении» имеется весьма важный пункт, говорящий, что, в случае каких бы то ни было неблагоприятных условий — политических, экономических и др., угрожающих благополучию Музея, он должен быть переведен в другое соответствующее учреждение или организацию, где он будет сохранен.

О жизни и деятельности Музея его Правление будет давать периодически информационные отчеты в местной прессе, а полные годовые отчеты будут печататься в своем „Ежегоднике“, если материальные средства позволят это.

Разрешите заранее выразить Вам глубокую, искреннюю признательность за Ваше будущее содействие в делах общего нашего начинания и за всякое другое проявление Вашего просвещенного внимания и активного участия в его развитии.

Мы позволим настоящее «Обращение» закончить приведением некоторых выдержек из писем, полученных от выдающихся наших деятелей и да не посетуют они за то, что мы делаем это без их разрешения.

Так акад. *В. Н. Ипатьев* писал нам:

„Радуюсь, что начинаете работать на дело создания Музея-Архива... Я очень сочувствую этому начинанию и желаю ему полного успеха“...

Гр. А. Л. Толстая:

„Искренне сочувствую Вашему культурному начинанию, имеющему целью сохранить ценности в области культуры, искусства и практических знаний русских людей. От души желаю Вашему Обществу успеха в начатой Вами благой деятельности и буду счастлива, если смогу помочь хоть чемнибудь“.

Композитор *А. Т. Гречанинов:*

„Радуюсь возникновению Архива Музея и шлю мое горячее пожелание успеха... Постараюсь, что в моих силах, помочь Вашему прекрасному начинанию“.

Писатель *Г. Д. Гребеншиков*, принося благодарность за «неслуженное» избрание его в число Почетных Покровителей Музея, заканчивает свое письмо такими словами:

„С искренним пожеланием полного ус-

Из уважения к нашему сотруднику, поэту Артуа, мы вторично печатаем ниже его стихотворение, ибо первый раз в него вкратились две досадные ошибки.

Испытание

Страна былой раздольной воли,
Необозримый край земной, —
Твоей-ли тягостной неволи
Витает призрак предо мной.

Не ты-ли, к каторжным работам
Приговоренная судьбой,
Исходишь вся кровавым потом
И пресмыкаешься рабой?

Твой люд каким недугом жгучим
Спаден и тяжко занемог?
За чью вину он казнью мучим,
За грех какой? — Помилуй Бог!

За то-ли ввергнут он в оковы,
Что был мамоной соблазнен,
И строгий пост многовековой
Отверг взалкавшей плотью он?...

Или, за то гоним жестоко
И крест несет превыше сил,
Что свет, сияющий с востока,
Во тьме северья погасил?...

Нет, не одна лишь страсть слепая
Тебя, сломив, повергла в прах,
И, прегрешенья искупая,
Ты не забыла Божий страх!

Ты палачам былую волю,
Скорбя, в смущеньи отдала.
Ты в муках спосишь злую долю,
Смиренномудрием света,

Дабы твой павший дух воскрес
Ценою тяжкого раденья, —
И не смутит твое паденье
Сиянья кроткого небес!

Артуа.

пека в Вашем благородном начинании и с искренним уважением Георгий Гребеншиков”.

Правление Музея-Архива.

Адрес Музея-Архива:

Museum and Archives of Russian Culture
at Russian Center,
2450 Sutter St., San Francisco 15,
California, U.S.A.

Т. БЕРЕЗНЫЙ

ГЕНИЙ И ОКРУЖАЮЩАЯ ЕГО ЖИЗНЬ

(ОТЗЫВ О КНИГЕ — В. Н. ИПАТЬЕВ, „Жизнь Одного Химика“, Воспоминания, Том I: 506 стр., 1867-1917 Том II: 1917-1930 634 стр., Нью Йорк, 1945).

НА сцене 3000-летней европейской истории русский народ появился довольно поздно — всего лишь каких-нибудь 1000—1100 лет назад (845 г.). Еще позже на этой сцене появился научный гений русского народа — всего лишь каких-нибудь 200 лет тому назад. Первый русский университет был открыт в половине 18 столетия, в то время как университет, скажем, в Салерно (Италия) уже на считывал около тысячи лет своего существования.

Природа не особенно была щедра в даровании русскому народу количества творцов на научном поприще. Светил русской науки в течение первых 100-200 лет после открытия первого русского университета можно почти по пальцам перечесть: М. В. Ломоносов (1711-1765), Н. И. Лобачевский (1793-1855), М. В. Остроградский (1801-1861), П. Л. Чебышев (1821-1894), Н. И. Пирогов (1810-1881), И. М. Сеченов (1829-1905), Д. И. Менделеев (1837-1907), И. И. Мечников (1845-1916), Л. И. Петражицкий (1867-1931), А. М. Бутлеров (1828-1861), А. А. Марков (1856-1922), П. П. Лебдев (1866-1912), Н. А. Умов (1840-1915), В. О. Ключевский (1841-1909), Н. С. Таганцев (1843-1923), В. И. Вернадский (1863-1945), И. П. Павлов (1849-1930) и некоторые другие.

Справедливо, однако, требует отметить, что скудость природы в даровании русскому народу количества ученых была вознаграждена глубиной мысли представителей русской науки. Представители русской науки часто давали миру такие знания, которые скоро переходили географические и национальные границы русского народа, составляли эпоху в истории разви-

тия научной мысли и делались достоянием всего цивилизованного мира. Как на пример можно указать на М. В. Ломоносова, который после торжественного празднования 200-летия его дня рождения (в 1911 г.) был признан „отцом современной науки химии“; трудами и идеями Н. И.

Лобачевского (новая геометрия) и Д. И. Менделеева (периодический закон свойств химических элементов) современный ученый мир обязан перешагнуть к нему развитию физического знания вселенной.

Сейчас перед нами труды еще одного корифея русской науки — академика *Владимира Николаевича Ипатьева*. В своем 2-томном труде Вл. Н. ч. год за годом, шаг за шагом знакомит нас, его современников, и будущие поколения (книги переведены на английский язык) со своей богатой социальной опытом жизнью и со своей исключит. плодотворной научной работой. Необходимо здесь

Генерал-Лейтенант, Академик
В. Н. Ипатьев

же сделать оговорку: изданные два тома мемуаров обнимают только годы от 1867 до 1930. Третий том мемуаров, обнимающий время после 30 года и касающийся современных событий, согласно его воли выйдет после его смерти. Кроме двух томов мемуаров, В. Н. Ипатьевым написано несколько капитальных трудов, как напр., *Курс Органической Химии*, *Курс Неорганической Химии* (совместно с А. Сапожниковым), *Каталитический Анализ* (в 1936 г., на англ. языке); Академией Наук СССР в 1937 г. опубликована его основная научная работа „*Каталитические реакции*“ 774 стр и проч. Помимо того, за последние 17 лет пребывания в Америке В. Н. Ипатьевым опубликовано более 300 статей, описаний, рапортов и проч. и получено бо-

Всероссийский Голод продолжается

(Продолжение).

Вильям МакГаффи, корреспондент „Чикаго Дейли Ньюс“, проживший в Москве все время Московской конференции «Большой Четверки», написал шесть статей о видном в слыханном в России в первой статье он говорил о недостатке жилищ, о невероятной скученности в них, о недостатке продовольствия и одежды и о невероятной дороговизне их.

В связи с продовольственным положением он, для иллюстрации, приводит два анекдота. Первый — старый, но он, вследствие голода, снова стал популярным в Москве.

На вопрос: „Как поживаете?“ Москвичи отвечают: „Как Ленин — не кормят и не хоронят“.

Другой — новый, сложенный повидимо-

лее 160 патентов на всякого рода открытия. „От времени до времени в мире рождается великий исследователь. От времени до времени природа дает миру великого учителя. От времени до времени среди народа появляются великие гуманисты. Но когда эти редкие, великие качества воплощаются в одной личности, то наступает время усомниться в Законе Вероятностей. Если к этому необыкновенному сочетанию исключительных человеческих качеств Вы прибавите еще одну характеристику, а именно, способность переносить неслыханные трудности и страдания, способность подняться выше всего этого и с приподнятой головой и с светлыми глазами в 75 лет продолжать научную, исследовательскую работу, — то вы будете иметь представление о находящемся перед вами русском ученом, а теперь натурализованном гражданине Соединенных Штатов — Владимире Николаевиче Ипатьеве“. Так охарактеризовал В. Н. Ипатьева в 1942 году Декан Химического Факультета Сев.-Восточного Университета в Чикаго по случаю 50-летнего юбилея его научной деятельности. Так было сказано в 1942 году, когда В. Н. Ипатьеву было 75 лет. Теперь уходит 1948 год, и В. Н. Ипатьеву уже 81 год, но, в нем не изменились ни его величественная фигура, ни его светлые, пронизательные глаза, ни его интерес и рвение к научной работе. Единственная, пожалуй, существенная перемена в его изумительной жизни заключается в том, что вместо былых ежедневных прогулок верхом на лошади, Вл. Николаевич, благодаря обстоятельствам времени и ме-

му, под влиянием пирушек, задавившихся Сталиным для знатных иностранцев.

Сталин устроил пирушку для своих министров. Видя с каким аппетитом они уплетывали пищу за обе щеки, он заметил: „Сегодня мои министры имели хороший аппетит“. На это один из министров ответил: „Эго что, хозяин, ты посмотрел бы на твоих рабочих: они в один присест могут съесть весь свой месячный паек“.

Появление такого сорта анекдотов весьма примечательно. Они обрисовывают положение лучше объемистых статистических исследований...

„Черный хлеб, — писал МакГаффи, — основа жизни в Советской России. Он дополняется сулом, картофелем и капустой. Ни чего изысканного, но питательно.“

ста, довольствуется обязательными ежедневными прогулками пешком

О том, КАК один из величайших в мире химиков, Вл. Ник. Ипатьев, открыл (в 1896 г.) структуру изопрена, о том, как о позднее разработал метод получения бутдиена из этилового спирта и пришел к получению искусственного каучука; о том как он открыл каталитические реакции и разработал методы применения этих реакций сначала в условиях высокой температуры, а потом в условиях высокого давления; о том, как он сконструировал особый прибор-бомбу для производства дальнейших опытов; о том, как он сделал очень важное открытие, касающееся превращения (изомеризация) углеводов под влиянием катализаторов, как благодаря каталитическим реакциям, гидрогенизации (присоединения частиц воды) углеводов ему удалось достигнуть разложения каменного угля и получения жидкого топлива; о том, как он посредством уплотнения (полимеризации) нескольких молекул в одну получил из этилового спирта жидкий углеводород, как он благодаря этому объяснил органическое происхождение нефти и в конце концов пришел (в 1930 г.) к получению для аэропланов 100% октанного газелина, способствовавшего победе демократий над фашистским миром, — все это вопросы чистой научной химии, которые в свое время будут освещены учеными химиками и записаны историографами химии на скрижали ее истории.

(Окончание в следующем №)

Я хотел бы, не по злобе, а для опыта, посадить мистера Вильяма МакГаффи на эту диету, ну, скажем, хотя бы на пару недель, и потом уж услышать его суждение о питательности указанной диеты, содержащей самое большое 1,083 калорий, не говоря уж о несостоятельности ее в минералах и витаминах. Проклятые две мерки: одна для русских, другая для себя...

„Я не мог найти никаких указаний на массовый голод за время моего десятидневного пребывания в стране“ (в Москве), но, — продолжает МакГаффи, — „некоторые эксперты, путешествовавшие по Украине... говорили, что в России имеются ‘карманы голода’“.

Итак, „массового голода“ нет, но есть „карманы голода“. Если эти эксперты, разъезжавшие по железной дороге или летавшие на аэропланах из города в город под наблюдением «недремлющего ока», не заглядывая в глубь страны, могли заметить „карманы голода“, то что же творилось и творится за пределами линии их наблюдений? Что творится в глубине страны, подалее от больших городов? Сколько таких „карманов голода“ и как они велики? Может быть совокупность этих голодных пятен или „карманов“ составляют такую огромную площадь и с таким большим числом населения, что „массовый голод“ определенной ограниченной территории будет казаться игрушкой в сравнении с голодом во всех этих „карманах“? Я думаю последнее ближе к истине...

Мы сказали, что одинаковая причина в одинаковых условиях порождает одинаковые последствия. Как известно засуха 1946 года началась в Румынской и Русской Молдавии и пропла на Восток по всей Украине до Волги, поразив часть территории на юг, юго-восток, на север и северо-восток от нее. То, что натворила засуха в Румынской Молдавии, тоже, несомненно, она натворила и в засушливых территориях России. Поэтому состояние Румынской Молдавии мы с полным правом можем взять в качестве показателя для России.

Каковы же дела в Румынской Молдавии?

„Юнайтед Пресс“ сообщала 4 июля 1947 года, что чиновник румынской организации помощи голодающим дал сведения, что в некоторых деревнях ежедневно умирает от голода 4-5 человек. „Жители употребляют в пищу кору деревьев. Нет надежды на улучшение положения в южной Молдавии до осенней жатвы“.

„Нью Йорк Таймс“ получил 5 июля донесение от своего корресп. из Бухареста, в котором он говорил, что „несмотря на ино-

странную помощь, число умерших от голода неофициально исчисляется в 20—40 тысяч.

„Прошлая зима (1946-7) была одной из самых тяжелых, которую Румыния когда либо переживала: тысячи умерших в Молдавии. Народ, в поисках хлеба, бежал из Молдавии десятками тысяч. Правительство (коммунистическое, Г. М.) вынуждено было перевезти 8) тысяч детей; 7) тысяч в другие районы страны и 10 тыс. за границу. Детская смертность в Молдавии поднялась до 19 человек на сотню.

„Недостаток питания не ограничивается только Молдавией: он чувствуется во всей стране и особенно остро в больших городах.

„Согласно коммунистическому министру земледелия Траяну Савулеску, в течение следующих двух месяцев (август-сентябрь 1947) Румыния получит 60 тыс. тонн пшеницы и 20 тыс. тонн зерна из Соед. Штатов“.

Чтобы удержать политическое господство Компартия в Румынии и свое влияние в ней, московское правительство отбирает хлеб у своих голодных и дает румынским. Какая чуткость, сердобольность, какое участие и какая человечность!

Таково положение и в России: в одних местах с большим сгущением ужасов, в других с меньшим, но число погибших несомненно будет исчисляться в миллионах. Да иначе и быть не может. Вот, послушай те, что говорит бывший Бразильский посол в Москве Д-р Марио де Пиментель Брандао.

„В Совет. Республике 30,000,000 бездомных и безхлебных.

„Голод там у всех на устах,“ т.е. самое распространенное слово.

„Там, за крепкой железной завесой, нищета, голод и рабство.

„Рабочие на положении скота и с ними обращаются, как с собаками.

„Полицейская шпионская система ‘действительно дьявольская’ — шпионы повсюду“ („Н. И. Таймс“, дек. 25, 1947).

Число жертв Голода

Московское правительство, поведав миру о засухе, не решилось дать цифровых данных об урожае 1946 г., заявив лишь, что он был «гораздо ниже» урожая 1945 года. А кто знает урожай 1945 года?

Если из 20 млн. голодавших в 1920-21 годах умерло 5,200,000 человек, то спрашивается, сколько же погибло в 1946—47 годах?

Г. МАКСИМОВ.

(Окончание в следующем №).

В Париже вышел богатый по содержанию СБОРНИК — „Народная Правда“.

„Блажены кроткие ибо они наследуют землю“.

(От Матфея, гл. 5, ст. 5.)

В последних выпусках „Нашей Страны“ была помещена статья Ген. Хольмстона, „Третья мировая война“, неизбежность которой он предсказывал и оправдывал, как «геополитическую» необходимость. Допуская, но отнюдь не оправдывая, наступление новой катастрофы, и из соображений предвиденных Достоевским в „шигалевщине“, о которых здесь неудобно было бы распространяться, я все же считаю необходимым обнажить ошибочность тех доводов, которые Ген. Хольмстон приводит в подтверждение своего предсказания и тем, в посильной мере, внести мою «малую лепту» труда, на искоренение идейных заблуждений, от применения которых на практике, жизнь на земле стала совершенно невозможной.

Каждый читатель вероятно заметил, что на мировоззрении автора упомянутой статьи лежит яркий отпечаток нацистской философии, что является результатом про-

(Окончание с 8-й страницы)

хотели понять. Такая же политика в оккупационных зонах в Германии проводится и теперь. Вы там встретите комитеты всех народностей, кроме русских.

В надвигающейся войне история повторится, если силы противные России подумают завоевать ее. Атомной бомбой можно разрушить, но нельзя завоевать. Русский вопрос без нашего участия в нем разрешить нельзя. Пусть это будет известно всем раз навсегда.

Германию завоевали, но мира еще нет.

Докладчик также указал, что в немецком штабе известно было решение в Потсдаме: силою оружия выдавать ОРА. Исходя из этого, я реорганизовал некоторые части в „Национальную Русскую Армию“, а в начале мая 1945 года с ней перешел границу Швейцарии, в Лихтенштейна. Там же много лет назад проходил русский полководец — Суворов.

В Швейцарии меня навещил американский полковник и упрекал. Но я ему сказал: Вы г-н полковник поймете нас через два года. Да, сегодня уже нас понимают американцы...

В заключении докладчик призывал к объединению всех русских.

Настроение слушателей было хорошее, во многих местах они награждали докладчика аплодисментами. Несмотря на малую пропаганду о докладе, зал был переполнен.

Киевский Мужик

слушанных лекций по «геополитике», в академии германского генерального штаба, времен Гитлера. Необходимость преподавания этой «науки» среди элемента, которому предстояло руководить избиением, порабощением и разорением людей других рас, — совершенно понятна: нужно было как то усыпить их совесть и «научно» оправдать всю ту тьму преступлений, которые им предстояло совершать. Но выступать в печати, с пропагандой и «научным» оправданием этих теорий теперь, после крушения «нацизма» и чудовищных преступлений им совершенных, — больше чем странно, и тем более, что эти теории, при всей их ошибочности и преступности, ничего нового собой не представляют, являясь по существу популяризацией, уже широко известных теперь, философских положений Гегеля и Ницше.

В своем изложении, Ген. Хольмстон постоянно опирается на «закон природы», которым ему представляется и эта самая «геополитика», как берущая начало в натуральном и примитивном законе борьбы за существование, общем всему живущему. Такой закон действительно существует, но что ускользнуло от внимания Ген. Хольмстона, так это то, что этот *примитивный закон верен, логичен и совершенен лишь в среде существ лишенных сознания, у которых заботы, о поддержании жизни, не выходят за пределы насыщения и утоления жажды лишь в данный момент, в чем, несмотря на всю жестокость этого закона, и заключается его самонейтрализующее и самоограничивающее свойство. И действительно, самый кровожадный зверь, только что поевший и попивший, совершенно безопасен и, до наступления нового голода, никому вреда причинять не станет. Совершенство примитивного закона, в среде существ лишенных сознания, подтверждается неисчислимыми миллионами гармонического существования мира животных, где одни поедают других, но при всем том, этот мир не оскудевает, так как заботы животных, о поддержании жизни, не выходят за пределы сегодняшнего дня, а потому этот закон не имеет в их среде того опустошительного свойства, который приобретает в среде разумных существ, так как заботы их не ограничиваясь стремлениями к удовлетворению насущных потребностей в данный момент — приобретают эгоистические наклоны обозначить свое благополучие*

Памятник Н. А. Рубакину

В Бериссо группа учеников и последователей Н. А. Рубакина, совместно с издателем „СЕЯТЕЛЯ“, устроили собрание в день второй годовщины смерти великого борца с тьмой и невежеством, который всю свою жизнь посвятил просвещению народов, как *единственному, правильному средству, могущему вывести человечество из того заколдованного тупика, в котором оно находится сегодня.*

Обменявшись мнениями, участвующие в собрании решили воздвигнуть памятник Н. А. Рубакину, т. е. издать Сборник о его деятельности и жизни. В резолюции сказано: „Мы знаем, что задача это нелегка, в особенности в наше время, время всеобщего идейного разброда. Но дело Рубакина, дело культурно-просветительной работы ложится на нас, на всех тех, кто создал эту идею, о здоровой, свободной, разумной и самостоятельной ЛИЧНОСТИ.“

Каждое хорошее дело связано с большими жертвами. Но вера и труд, всегда побеждают.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В связи с ростом цен на бумагу и ростом дороговизны жизни, возрастают и расходы по изданию журнала. Кроме того нам удалось усилить техническую сторону издательства, приобретя 9 кгр. новых букв. Все это вместе взятое, несмотря на

великодушные жертвы наших друзей, составляет такие недостатки, которые уже трудно покрывать из заработной платы издателя, как это было до сих пор.

Поэтому издательство „СЕЯТЕЛЯ“ вынуждено повысить с настоящего № цену экземпляра до 40 снт.

на далекое будущее, хотя бы ценою лишив других существ самого необходимого в настоящем, или, что еще хуже, просто изощряются уничтожить других претендентов на жизненные блага, а все это порождает ненужную но жесточайшую взаимно истребительную борьбу, которая ведется уже не за возможность поддержать жизнь, но за обеспеченное, т. е. привилегированное положение.

Если бы примитивный закон, или то что мы теперь называем политикой, «геополитикой» и т. д., был бы совершенен во всякой обстановке, то в морали не было бы никакой нужды. Но Божественная премудрость знала, что пробуждение ума в человеке делало примитивный закон несовершенным и губительным для самого существования человечества. Поэтому, одновременно с развитием умственных способностей, не переставала внедряться в сознание людей понятия о нравственности, начиная с самой элементарной нравственности дикарей и кончая законами Конфуция, Будды и Моисея. Эта эволюция и рост нравственных понятий нашла свое законченное выражение в возвышенном учении Иисуса Христа о любви к ближним и должны были бы удерживать людей от применения примитивного закона, в его уже извращенном (разумом человека) виде, когда этим законом стали оправдывать действия, направленные не к поддержанию жизни в данный момент, но к обеспеченно-привилегированному своему положению, в ущерб насущных нужд других, что и делало этот

закон опустошительно-губительным.

К сожалению, человечество никогда в должной мере с законом нравственности не считалось, а с начала текущего столетия сочло себя настолько уже просвещенным, что совершенно перестало принимать этот закон во внимание, в результате чего оплакивает теперь свое бывшее благополучие, сидя на его окровавленных развалинах...

Но несмотря на столь наглядный и жестокий урок, данный человечеству судьбой, мало кто его понял, а Ген. Хольмстон не только не находится в числе таковых, но своей статьей попытался нас убедить, хоть совершенно безуспешно, что тот губительный путь, которым человечество пошло, руководствуясь лишь примитивным законом звериной борьбы за существование, — и является единственно верным и разумным путем, которым ему и следовало идти. И тем дает нам доказательства, что, несмотря на свою бесспорную культурность, страдает утратой «чувства истины», что является общечеловеческим ныне проклятием, губительным веянием времени, как результат отхода от Христа, заповедавшего: «Если пребудете в слове Моем, (в учении Его, прим. С. М.), то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас СВОБОДНЫМИ». (От Иоанна, гл. 8, стр. 31 — 32.), от заблуждений, добавлю я, а равно и от греха, преступления и НЕСЧАСТЬЯ заблуждением порождаемых.

10 декабря 1948.

Кап. Миролубов.